

ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА

XVIII

ВЕКА

Хрестоматия

Том 1

Составители

Б. И. Пуришев, Б. И. Колесников, Я. Н. Засурский

ПОД РЕДАКЦИЕЙ Б. И. ПУРИШЕВА

Издание второе,
исправленное и дополненное

Допущено

Министерством высшего и среднего
специального образования СССР
в качестве учебного пособия
для студентов высших учебных заведений,
обучающихся по специальности
«Русский язык и литература»

(В)

Москва
«Высшая школа»
1988

ВИЛЬЯМ БЛЕЙК

(William Blake)

(1757–1827)

Великий английский поэт, талантливый живописец

и график. Сын небогатого лондонского купца, он не получил наследства и вынужден был зарабатывать на жизнь ремеслом гравера. В области поэзии Блейк был революционным классицистом, а затем (в годы

Французской буржуазной революции) — первым

революционным романтиком Англии. Блейк воспел американскую и французскую революции. В годы реакции он оставался верен идеям народовластия, писал стихи и поэмы, в которых пророчески предсказывал гибель не только венценосцев, но и всего собственнического мира. Подобно «гениальному пророку» Шелли, Блейк утверждал,

что наступит «людского дня рассвет», в огне

революций будет создано прекрасное бесклассовое общество будущего. Блейк был продолжателем традиций английской антифеодальной революции XVII в.

Он говорил языком революционеров-пуритан, облекал свои революционные идеи в библейские образы.

Блейк был последователем наиболее революционной секты пуританских революционеров-антиномианцев, выражавших интересы беднейших крестьян и городских низов.

Антиномианцы отрицали бога. Они считали, что бог — это сам человек, если он радеет об общественном благе.

Отсюда в поэмах Блейка беспощадная критика евангелия и библии.

При жизни Блейка его творчество было почти неизвестно: Королевская академия художеств не позволяла организовывать выставку его картин и гравюр, а на издание поэтических произведений у Блейка не было денег. Поэт печатал их оригинальным способом, вырезая буквы на цинке или меди и делая отиски. Он сам и иллюстрировал свои произведения. Лишь через много лет после смерти Блейк получил признание в англоязычных странах. В 1957 г. по решению Всемирного Совета Мира был отпразднован 200-летний юбилей со дня рождения Блейка.

Поэтические отрывки

(«Poetical Sketches», 1786)

Король Гвин

(«King Gwin»)

Баллада

Внемлите песне, короли!
Когда норвежец Гвин
Народов северной земли
Был грозный властелин, —

В его владеньях нищету
Обкрадывала знать.
Овцу последнюю — и ту
Старалась отобрать.

«Не кормит нищая земля
Больных детей и жен.
Долой тирана-короля,
Пускай покинет трон!»

Проснулся Гёрдред между скал,
Тирана лютый враг,

И над землей затрепетал
Его мятежный стяг.

За ним идут сыны войны
Лавиною сплошной,
Как львы, сильны и голодны,
На промысел ночной.

Через холмы их путь лежит,
Их клич несется ввысь.
Оружья лязг и дробь копыт
В единый гул слились.

Идет толпа детей и жен
Из сел и деревень,
И яростью звучит их стон
В железный зимний день.

Звучит их стон, как волчий вой,
В ответ гудит земля.
Народ идет за головой
Тирана-короля.

От башни к башне мчится весть
По всей большой стране:
«Твоих противников не счастье.
Готовься, Гвин, к войне!»

Норвежец щит подъемлет свой
И витязей зовет,
Подобных туче грозовой,
В которой гром живет.

Как плиты, что стоймя стоят
На кладбище немом,
Стоит бойцов безмолвный ряд
Пред грозным королем.

Они стоят перед королем
Недвижны, как гранит,
Но вот один взмахнул копьем,
И сталь о сталь звенит.

Оставил земледелец плуг,
Рабочий — молоток,
Сменил свирель свою пастух
На боевой рожок.

Король войска свои ведет,
Как грозный призрак тьмы,

Как ночь, которая несет
Дыхание чумы.

И колесницы и войска
Идут за королем,
Как грозовые облака,
Скрывающие гром.

— Остановитесь! — молвил Гвин
И указал вперед.
— Смотрите, Гордред-исполин
Навстречу нам идет!

Стоят два войска, как весы,
Послушные судьбе.
Король, последние часы
Отпущены тебе.

Настало время — и сошлись
Заклятых два врага,
И конница взметает ввысь
Сыпучие снега.

Вся содрогается земля
От грохота шагов.
Людская кровь поит поля,
И нет ей берегов.

Летают голод и нужда
Над грудой мертвых тел.
Как много горя и труда
Для тех, кто уцелел!

Король полки бросает в бой.
Сверкают их мечи
Лучом кометы огневой,
Блуждающей в ночи.

Живые падают во прах,
Как под серпом жнецов.
Другие бьются на костях
Бессчетных мертвцевов.

Вот конь под всадником убит.
И падают, звеня,
Конь на коня, и щит на щит,
И на броню броня.

Устал кровавый бог войны.
Он сам от крови пьян.

Смердящий пар с полей страны
Восходит, как туман.

О, что ответят короли,
Представ на Страшный суд,
За души тех, что из земли
О мести вопиют!

Не две хвостатые звезды
Столкнулись меж собой,
Рассыпав звезды, как плоды
Из чаши голубой.

То Гóрдред, горный исполин,
Шагая по телам,
Настиг врага — и рухнул Гвин,
Разрублен пополам.

Исчезло воинство его.
Кто мог, живым ушел.
А кто остался, на того
Косматый сел орел.

А реки кровь и снег с полей
Умчали в океан,
Чтобы оплакал сыновей
Бессонный великан.

«Король Гвин» — баллада Блейка, в которой в символической форме изображается падение колониального режима в Америке. Стесненный условиями цензуры (баллада была напечатана при жизни Блейка, в 1786 г.), поэт переносит действие в Норвегию. Земля, в поэзии Блейка, — это народ, породивший Гордреда, титана, сокрушившего власть Гвина — носителя идей феодальной тирании. Баллада входит в сборник ранних стихов Блейка «Поэтические отрывки».

Песни Невинности

(«*Songs of Innocence*», 1789)

Вступление к «Песням Невинности»

(«*The Introduction to the Songs of Innocence*»)

Дул я в звонкую свирель.
Вдруг на тучке в вышине
Я увидел колыбель,
И дитя сказalo мне:

The Argument.

Rintrah roars & shakes his fires in the burdend air;
Hungry clouds swag on the deep

Once meek, and in a perilous path,
The just man kept his course along
The vale of death.

Roses are planted where thorns grow,
And on the barren heath
Sing the honey bees.

Then the perilous path was planted
And a river, and a spring
On every cliff and tomb;
And on the bleached bones
Red clay brought forth.

Till the villain left the paths of ease,
To walk in perilous paths, and drive
The just man into barren climes

Now the sneaking serpent walks
In mild humility.
And the just man rages in the wilds
Where lions roam.

Rintrah roars & shakes his fires in the
burdend air;
Hungry clouds swag on the deep.

В. Блейк
«Песни Невинности»

— Милый путник, не спеши.
Можешь песню мне сыграть? —
Я сыграл от всей души,
А потом сыграл опять.

— Кинь счастливый свой тростник.
Ту же песню сам пропой! —
Молвил мальчик и поник
Светлокудрой головой.

— Запиши для всех, певец,
То, что пел ты для меня! —
Крикнул мальчик, наконец,
И растаял в блеске дня.

Я перо из тростника
В то же утро смастерили,
Взял воды из родника
И землею замутил.

И, раскрыв свою тетрадь,
Сел писать я для того,
Чтобы детям передать
Радость сердца моего!

Меч и серп

(«*Life and Death*», 1789)

Меч — о смерти в ратном поле,
Серп о жизни говорил,
Но своей жестокой воле
Меч серпа не покорил.

Дитя-радость

(«*Infant Joy*», 1789)

— Мне только два дня.
Нет у меня
Пока еще имени.

— Как же тебя назову?
— Радуюсь я, что живу.
Радостью — так и зови меня!

Радость моя —
Двух только дней, —
Радость дана мне судьбою.

Глядя на радость мою,
Я пою:
Радость да будет с тобою!

Муха

(«A Fly», 1793)

Муха-малютка,
Твой летний рай
Смахнул рукою
Я невзначай.

Я — тоже муха:
Мой краток век,
А чем ты, муха,
Не человек?

Вот я, играя,
Живу, пока
Меня слепая
Смахнет рука.

Коль в мысли сила
И жизнь и свет
И там могила,
Где мысли нет,

То пусть помру я
Иль поживу,
Счастливой мухой
Себя зову!

* * *

*

Словом высказать нельзя
Всю любовь к любимой.
Ветер движется, скользя,
Тихий и незримый,

Я сказал, я все сказал,
Что в душе таилось,
Ах, любовь моя в слезах,
В страхе удалилась.

А мгновение спустя
Путник, шедший мимо,
Тихо, вкрадчиво, шутя,
Завладел любимой.

Вечерняя песня

(«*Evening song*», 1789)

Отголоски игры долетают с горы,
Оглашают темнеющий луг.
После трудного дня нет забот у меня,
В сердце тихо, и тихо вокруг.

— Дети, дети, домой! Гаснет день за горой,
Выступает ночная роса.
Погуляли — и спать. Завтра выйдем опять,
Только луч озарит небеса.

— Нет, о нет, не сейчас! Светлый день не угас.
И привольно и весело нам.
Все равно не уснем — птицы реют кругом,
И блуждают стада по холмам.

— Хорошо, подождем, но с последним лучом
На покой удалимся и мы.—
Снова топот и гам по лесам, по лугам.
А вдали отвечают холмы.

Песня дикого цветка

(«*The Song of a wild Flower*», 1789)

Меж листьев зеленых
Бродил я весной.
Там пел свою песню
Цветочек лесной:

— Как сладко я спал
В темноте, в тишине,
Шептал о тревогах
Своих в полусне.

Пред самою зорькой
Проснулся я светел,
Но свет меня горькой
Обидою встретил.

Сон

(«A Dream», 1789)

Сон узор сплетает свой
У меня над головой.
Вижу: в зелени полей
Заблудился муравей.

Грустен, робок, одинок,
Он взобрался на цветок.
И, тревожась и скорбя,
Говорил он про себя:

— Мураши мои одни.
Плачут жалобно они.
Поглядят во мрак ночной
И в слезах бегут домой.

Пожалел я бедняка.
Вдруг увидел светляка.
— Чей, — спросил он, — тяжкий стон
Нарушает летний сон?

Выслан я с огнем вперед.
Жук за мной летит в обход.
Следуй по дому за ним —
Будешь цел и невредим!

Святой четверг

(«A Holy Thursday», 1789)

По городу проходят ребята по два в ряд,
В зеленый, красный, голубой одетые наряд.
Седые дядьки впереди. Толпа течет под своды
Святого Павла, в гулкий храм, шумя, как Темзы воды.

Какое множество детей — твоих цветов, столица!
Они сидят над рядом ряд, и светятся их лица.
Растет в соборе смутный шум — невинный гул ягнят.
Ладони сложены у всех, и голоса звенят.

Как буря, пенье их летит вверх из пределов тесных,
Гремит, как гармоничный гром среди высот небесных,
Седые пастыри внизу, заступники сирот...
Лелейте жалость, и от вас ваш ангел не уйдет.

Сборник «Песни Невинности» написан в самом начале Французской буржуазной революции XVIII в. Сборник содержит стихи философского содержания, которые имеют, однако, весьма простую, ясную форму. Но мысли Блейка, каждый человек и общество в целом проходят три стадии развития: Невинность (или Белуах), Опыт (или Страдание) и Мудрость (или Эден). В этой концепции отразилась в мистифицированном виде диалектичность мышления английского поэта.

Стихотворения, входящие в сборник «Песни Невинности», изображают безмятежность, безоблачность раннего детства. Но, по мнению поэта, состояние безмятежности свойственно и душе взрослого человека, если он еще не попал в полосу испытаний и утрат.

Песни Опыта

(«Songs of Experience», 1793)

Дерево яда

(«The Tree of Poison»)

В ярость друг меня привел.
Гнев излил я — гнев прошел.
Враг обиду мне нанес —
Я молчал, но гнев мой рос.

Я растил его в тиши
В глубине своей души,
То слезами поливал,
То улыбкой согревал.

С каждым часом, с каждым днем
Зрело яблочко на нем,
Яда сладкого полно.
Знал мой недруг, чье оно.

Поздней ночью в тишине
Он прокрался в сад ко мне
И остался недвижим,
Яdom скованный моим.

Тигр

(«The Tyger»)

Тигр, о тигр, светло горящий
В глубине полночной чащи!
Кем задуман огневой
Соразмерный образ твой?

В небесах или глубинах
Тлел огонь очей звериных?
Где таился он века?
Чья нашла его рука?

Что за мастер, полный силы,
Свил твои тугие жилы
И почувствовал меж рук
Сердца первый тяжкий стук?

Что за горн пред ним пыпал?
Что за млат тебя ковал?
Кто впервые сжал клещами
Гневный мозг, метавший пламя?

А когда весь купол звездный
Оросился влагой слезной,—
Улыбнулся лъ, наконец,
Делу рук своих творец?

Неужели та же сила,
Та же мощная ладонь
И ягненка сотворила
И тебя, ночной огонь?

Тигр, о тигр, светло горящий
В глубине полночной чащи!
Чьей бессмертною рукой
Создан грозный образ твой?

Маленький трубочист

(«Little chimney-sweeper»)

Был я крошкой, когда умерла моя мать,
И отец меня продал, едва лепетать
Стал мой детский язык. Я тружусь и терплю,
Ваши трубы я чищу и в копоти сплю.

Белокурый наш Том столько выплакал слез —
Было жалко бедняге кудрявых волос.
Я сказал ему: «Ладно, не плачь, старина,
Без кудрей тебе сажа не будет страшна!»

Он забылся, утих и, уйдя на покой,
В ту же самую ночь сон увидел такой:
Будто он, Дик и Нэд и десятки ребят
В черных гробиках тесных под крышками снят.

Но приходит к ним ангел с ключом золотым,
Он гробы отпирает один за другим,
И ребята вприпрыжку несутся к реке
И, умывшись, играют в лучах на песке.

А потом нагишом, налегке, без мешков.
Том с друзьями залез на гряду облаков.
И сказал ему ангел: «Послушай-ка, Том,
Будь хорошим, и бог тебе будет отцом».

Ранним утром проснулись ребята в потьмах
И с мешками пошли чистить трубы в домах.
Утро было сырое, но Том не продрог.
Тот, кто честен и весел, не знает тревог.

Маленький бродяжка

(«*A Little trumper*»)

Ах, маменька, в церкви и холод и мрак.
Куда веселей придорожный кабак.
К тому же ты знаешь повадку мою —
Такому не место в небесном раю.

Вот ежели в церкви дадут нам пивца
Да пламенем жарким согреют сердца,
Я буду молиться весь день и всю ночь.
Никто нас из церкви не выгонит прочь.

И будет наш пастырь служить веселей.
Мы счастливы будем, как птицы полей.
И строгая тетка, что в церкви весь век,
Не станет пороть малолетних калек.

И бог будет счастлив, как добрый отец,
Увидев довольных детей наконец.
Наверно, простит он бочонок и черта
И дьяволу выдаст камзол и ботфорты.

Золотая часовня

(«*A Golden Chapel*»)

Перед часовней, у ворот,
Куда никто войти не мог,
В тоске, в мольбе стоял народ,
Роняя слезы на порог.

Но вижу я: поднялся змей
Меж двух колонн ее витых,
И двери тяжестью своей
Сорвал он с петель золотых.

Вот он ползет во всю длину
По малахиту, янтарю,
Вот, поднимаясь в вышину,
Стал подбираться к алтарю.

Разинув свой тлетворный зев,
Вино и хлеб обрызгал змей...
Тогда пошел я в грязный хлев
И лег там спать среди свиней!

Святой четверг

(«A Holy Thursday»)

Да чем же этот праздник свят,
Когда богатый край такой
Рожденных в нищенстве ребят
Питает жадною рукой?

Что это — песня или стон
Несется к небу, трепеща?
Голодный щелчок со всех сторон.
О, как страна моя нища!

Видно, сутки напролет
В ней стоит ночная тьма,
Никогда не тает лед,
Не кончается зима.

Где сияет солнца свет,
Где роса поит цветы,
Там детей голодных нет,
Нет угрюмой нищеты.

Стихи сборника «Песни Опыта» рисуют картину жизни большого капиталистического города (Лондона). Поэт проводит мысль, что при столкновении с жестокой действительностью человек утрачивает покой и ясность духа. Опыт в жизни приобретается дорогой ценой. Но сохранить себя как личность может лишь тот, кто соединит в себе Невинность с Опытом и станет на путь борьбы. Он достигнет высшей стадии развития — Мудрости (Эдена). «Тигры гнева мудрее кляч поучения», — пишет Блейк в «Пословицах Ада». Стихотворение «Тигр» («Песни Опыта») как раз и призвано подчеркнуть необходимость пробуждения сил гнева и борьбы, сил, способных уничтожить ненавистный поэту буржуазный мир.

Из «Пословиц Ада»

(«Proverbs of Hell», 1794)

Благоразумие — богатая старая дева, за которой волочится бессилие.

Тот, кто желает, но не действует, плодит чуму.

Разрезанный червь прощает свою смерть плугу.

Дурак видит не то дерево, что видит умный.

Тот, чье лицо не светится, никогда не будет звездой.

Вечность влюблена в произведения времени.

У занятой пчелы нет времени для скорби.

Здоровая пища добывается без сети и западни.

Ни одна птица не залетит черезсчур высоко, если она парит на собственных крыльях.

Высший поступок — поставить другого впереди себя.

Если бы дурак был настойчив в своем безумии, он стал бы мудрым.

Тюрьмы построены из камней закона. Публичные дома — из кирпичей религии.

Гордость павлина — слава божья. Гнев льва — мудрость божья.

Избыток скорби смеется. Избыток радости плачет.

Лисица винит западню, а не себя.

Радости оплодотворяют. Скорби рождают.

Птице — гнездо, пауку — паутина, человеку — дружба.

То, что ныне доказано, некогда только воображалось.

Бассейн содержит; фонтан переполняет.

Одна мысль заполняет бесконечность.

Всегда будь готов высказать, что у тебя на уме, и негодяй будет избегать тебя.

Все, во что можно поверить, — подобие истины.

Орел никогда не терял понапрасну так много времени, как тогда, когда согласился учиться у вороны.

Тигры гнева мудрее, чем клячи наставления.

Жди яда от стоячей воды!

Ты никогда не будешь знать достаточно, если не будешь знать больше, чем достаточно.

Прислушайся к упреку дурака! Это для тебя королевский титул.

Слабый храбростью силен хитростью.

Если бы другие не были дураками, мы были бы ими.

Как гусеница гладет яйца на лучшие листья, так священник налагает проклятие на лучшие радости жизни.

Создание маленького цветка — работа веков.

Проклятие бодрит, благословение расслабляет.

Лучшее вино — старое, лучшая вода — свежая.

Молитвой не пашут, хвалою не жнут.

Радости не смеются, печали не плачут.

Что воздух птице, что вода рыбе, то презрение — презренному.
Ворона хотела бы, чтобы все на свете было черным, сова —
чтобы все было белым.

Где нет человека, природа бесплодна.
Довольно! — или слишком много.

Адом Блейк называл капиталистический Лондон. Через 20 лет Шелли также назовет Лондон адом.

«Пословицы Ада» — произведение революционного романтика, сокрушающего ханжество, пошлость, религиозные устои официального общества.

Выше приводятся отрывки из произведения.